

Фриц Лиммермауэр

ГАШИШ

ЗЕЛЬЕ ВОСТОКА

Фриц Лиммермауер

Гашиш – зелье Востока

«Остеон-Групп»

1903

Лиммермауер Ф.

Гашиш – зелье Востока / Ф. Лиммермауер — «Остеон-Групп» ,
1903

ISBN 978-5-85689-221-4

Эта небольшая, старинная повесть, написанная в форме старинного восточного предания, звучит неожиданно остро и сверхсовременно, когда дочитываешь ее до конца. Двое влюблённых в одно и то же время (в счастливую ночь свадьбы) подвергаются неожиданному удару судьбы, который вмиг разрушает их жизни и будущее. Каждый из них начинает бороться за то, чтобы выжить в сложившихся обстоятельствах, но жених прибегает к помощи наркотика, а невеста – исключительно к силе разума и чувства. К чему приходит каждый из них, вы узнаете, дочитав до конца эту удивительную и, к сожалению, очень актуальную в наши дни легенду.

ISBN 978-5-85689-221-4

© Лиммермауер Ф., 1903

© «Остеон-Групп» , 1903

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	15
-----------------------------------	----

Фриц Лиммермауэр

Гашиш – зелье Востока

*«Гашиш»... Эту повесть не я сочинил.
Она родилась на Востоке,
Я лишь самородок-алмаз огранил,
И блеск ему дал огнеокий.
Пройдут в ней события череда за чердой,
Так в путь же смелее, читатель, со мной.*

Густав Гримм

© Л.И. Моргун. Литобработка, редактирование, примечания, 2018

© ООО «Остеон-Групп». 2018

* * *

I

В Алжире, в горах Сбаха, на берегу озера Мурин, давно, в далёкие времена жил знаменитый и мудрый человек. Он звался Акбаром и принадлежал к племени кабилов, сильному, дикому и мужественному народу, обитавшему в горах и превыше всего ценящему свободу; этот народ сам выбирал себе вождей. Слава Акбара была так велика, что однажды он был избран вождем, или амином. Долгие годы управлял Акбар своим народом с мудростью и справедливостью, не тяготясь своими заботами, без пристрастия и корыстолюбия, и кабилы привыкли ценить, любить и уважать своего правителя.

Слава о его мудрости распространилась так далеко, что даже губернатор соседнего испанского владения Орана, гордый испанский гранд, не гнушался амина Акбара и во многих случаях просил его мнения или его совета.

Однажды весной Мираб, так же как и Акбар, благородный вождь соседнего арабского племени, пришёл к дому Акбара в сопровождении только одного слуги, который постучался в ворота. Вождь, или, по арабскому названию, каид Мираб был принят Акбаром со всеми знаками уважения и внимания, какие предписывало восточное гостеприимство.

После того, как оба мужа оказали друг другу должное приветствие, Акбар усадил своего гостя на мягкие, шелковистые ковры и спросил:

– Какой счастливой случайности обязан я высокому посещению моего дома каидом Мирабом? А что твоё прибытие ко мне счастливо, я вижу по выражению твоего лица, мой дорогой гость.

Каид с улыбкою погладил свою длинную белую бороду и ответил:

– Предчувствие не обманывает тебя, амин Акбар, – обстоятельство чрезвычайное и счастливое из счастливых привело меня к тебе. От всего сердца я верю, что оно счастливо для нас обоих: не можешь ли ты, мудрец, догадаться, что это такое?

– Я не знаю, – ответил Акбар; – я большой любитель трудных задач, но ведь ты не задаёшь мне загадки.

– Хорошо, – сказал араб; – тогда я расскажу тебе историю.

– Отлично, – проговорил Акбар; – я также любитель и хороших историй. Рассказывай, рассказывай.

– Постарайся найти её хорошей, когда я дойду до конца. Итак, слушай.

Каид начал свой рассказ.

– Среди арабского племени находится одна прелестная, добрая и умная девушка. Она живёт под бдительным присмотром в роскошных шатрах её отца, который любит её и хранит, как зеницу ока. Она резвится в них, предаваясь невинным играм, зная о жизни только из сказок и рассказов. Верная служанка, её неустанная Шехерезада, рассказывает ей их. От неё узнает она о чужих землях, далёких народах, о любви и военных подвигах. И девушка с горящими от любопытства глазами следит за полётом прихотливой фантазии, раскрывающей перед ней дивные картины, неведомую ей жизнь... Так продолжалось долго, пока она не познакомилась однажды с прекрасным и благородным юношей, единственным сыном своего отца, который стал часто видаться с нею, уезжая как будто на охоту.

Рассказчик остановился.

– Ну, что же? Дальше! – воскликнул Акбар, любопытство которого было затронуто.

– Я почти кончил, так как развязка самая обыкновенная, – ответил каид. – Молодые люди полюбили друг друга, забыв весь мир. Коротко и ясно: девушка – моя дочь Зюлейка, юноша – твой сын Али.

Лёгкая улыбка скользнула по лицу Акбара, но он оставался молчаливым, пока араб не заставит его нарушить это молчание.

– Ответь же, нравится ли тебе эта история? – сказал он.

– Ты поразил меня, – ответил Акбар, – Позволь прежде всего поблагодарить тебя за твои дружеские слова и за похвалу моему сыну, которой он заслуживает. Не думай, что во мне говорит отцовское пристрастие, потому что я знаю цену моему сыну. Он – моё единственное дитя, моё сокровище, и во мне нет желания, направленного против его счастья.

– И я принёс ему его, – прервал речь Акбара каид Мираб. – Единственная моя дочь, Зюлейка, – это роза, благоухание которой наполняет радостью мой дом. Клянусь бородою пророка, и ты должен мне верить, что я говорю правду. Против обычая я пришёл к тебе сватом. Их любовь сильнее нашей воли; они скорее умрут, чем расстанутся. Рука об руку пришли они ко мне, чтобы я благословил их союз, и теперь я прошу об этом у тебя. Али сам просит меня об этом. Застенчивость мешает ему обратиться к тебе самому, и, кроме того, он боится получить отказ из твоих уст,

– Теперь для меня ясно его поведение за последнее время, – сказал амин Акбар, – Как сумасшедший бродит он вокруг дома, разговаривает сам с собою, не отвечает на вопросы. То он ищет уединения, то бросается на охоту, ищет развлечений... Я думал даже, что он болен, теперь всё объяснилось: болезнью была любовь.

– Говори же «да»! – горячо воскликнул каид.

– Это трудно...

– Как? Разве ты имеешь что-нибудь против меня, моей дочери или моего племени? – воскликнул каид.

– Решительно ничего. Но Али – кабил, а Зюлейка – арабка. Союз их будет делом неслыханным, хотя они оба дети вождей – амина и каида.

– Но разве оба племени не одинаково хороши? Они живут в мире с тех пор, как я это могу помнить, хотя пастухи вступают иногда между собою в распри.

– Но этот союз будет против обычая,

– Что обычай! Неужели ему нужно как идолу приносить человеческие жертвы?

– Разве ты не чтешь обычаев предков?

– Нет обычаев; есть только привычки.

– Но привычка – это завет, который свято чтится целые столетия.

– Любовь ещё святее!

– Даже когда она восстаёт против старых законов?

– Законы сердца ещё старше.
– Значить, ты ставишь выше всего любовь?
– Я думаю, что любовь освящает всё.
– Мне странны твои речи.
– И я не узнаю мудрого, справедливого амина Акбара.
– Я боюсь, что союз кабила с арабкою не будет благословен небом и принесёт горе.
– Большее горе будет если он не состоится, и не состоится по твоей вине. Нельзя противиться тому, что предрешиено судьбою. Твой отказ посеет вражду между двумя мирными, дружественными племенами, возгорится война. Подумай, сколько будет несчастных... И в твоей власти предупредить всё это.

Амин Акбар в глубокой задумчивости большими шагами ходил по комнате, поглаживая свою длинную седую бороду. Он любил своего сына, но понимая невозможность женитьбы его на арабке.

– Ты прав, – сказал он, наконец, своему гостю. – Пусть между нами не разразится гроза, в которой погибнут невинные. Я знаю, что твоя дочь прелестная девушка и вполне достойна моего сына. Людям нельзя идти против судьбы. Мою грудь наполняет радость, но в ней копшится и тревожное предчувствие.

– А я вижу и чувствую только радость! – воскликнул с воодушевлением каид. – Вот моя рука! Дай мне свою, друг!

– Вот она! Итак, свадьба решена, и да благословит Аллах наших детей!

Оба вождя крепко пожали друг другу руки.

Когда оба несколько успокоились, каид предложить сыграть партию в шахматы, чтобы отвлечь амина от тревожных мыслей.

– Я всегда готов играть, – ответил амин.

– Ты – искусный мастер этой игры, – заметил амину каид, – и мне приятно с тобою сразиться.

– Амии Акбар проводил своего гостя в соседнюю комнату, где были мозаичные столы для шахматной игры с фигурами из слоновой кости, и оба опустились на ковры. Каиду Мирабу пришлось играть белыми, и он с горячностью сделал несколько ходов. Амин Акбар, наоборот, всегда играл вдумчиво, глубоко обдумывая свои ходы; но теперь что-то мешало ему сосредоточиться на игре, и он сделал несколько оплошностей.

– Ты рассеян, – заметил ему каид. – Возьми себя в руки! Твоя ладья в опасности, и пешкой я делаю шах твоей королеве.

– Ничего не значить:, я закрываю её конём.

– Идёт! Теперь в опасности твой король.

Они продолжали игру. Время от времени хозяин дома поглаживал рукою свою длинную белую бороду и устремлял взгляд в окно, в котором раскрывался чудный ландшафт. Казалось, что он поджидал кого-то.

Игра продолжалась уже почти час, и надежда победы колебалась с одной стороны на другую. Наконец, каид занял господствующее положение.

– Ещё раз, будь внимательнее! – воскликнул он. – О чем ты думаешь? Смотри: шах королю!

– Я закрываю его офицером.

– Опять шах!

– Я отодвигаю его назад.

– И он погиб...

– Посмотрим... Возможно! Да, правда, мат! Ты побил меня сегодня два раза, – сказал амин Акбар, мягким движением руки смешивая фигуры. – Посмотри: вот идёт мой сын!

Оба старца встали и, подойдя к окну, увидели Али, который па молодом и горячем арабском жеребце возвращался с соколиной охоты; с боку от него тоже прыгали две гончие собаки. Всадник казался сросшимся со своим конём, который послушно исполнял волю своего господина. Али любовно гладил его по глянцевиной шее и горделиво сидел в седле. Когда он подъезжал к дому, амин слегка отступил от окна, чтобы дать гостю большую свободу любоваться красивым зрелищем. Казалось, ему хотелось сказать: смотри, какой у меня сын!

И каид любовался этой сценой. Слуга взял у Али с рукавицы сокола; другой взял собак, которые с радостным лаем бросались к своему господину; третий взял под уздцы коня, чтобы отвести его в конюшню, после того, как Али соскочил со своего любимца. Тогда он пошёл в комнату, где в молчании ожидали его два старика. Он был прям и строен, как кедр, и на его лице цвела весна; у него были широкие плечи и железные мышцы; он был умён, крепок и силен, как герой. Укрощать коней и охотиться за львами было его обыкновенным занятием. Далекие путешествия в чужие земли развили в нем ум и любознательность. Он едва перешёл из юности в мужество, когда красота женщин становится уже опасной, но он не обращал на них внимания, пока, наконец, не полюбил Зюлейку. Любовь так овладела им, что он ни за что на свете не расстался бы с Зюлейкой, хотя бы для этого пришлось пройти сквозь небо и ад.

– Прекраснейший мужчина получит прекраснейшую женщину, – пробормотал Мираб, отходя от окна, чтобы встретить вновь прибывшего. Али вскоре вошёл и низко поклонился отцу. Он не знал о прибытии каида и не заметил его сразу, потому что Мираб стоял в тени драпировки. Амин Акбар подошёл к сыну и сказал, взяв его за руку:

– Смотри, Али: здесь отец твоей невесты!

Поражённый неожиданной радостью, Али стоял, как изваяние; его тёмные, глубокие глаза загорелись, и он посматривал то на отца, то на каида, не смея верить своей радости. Наконец, в восторженном порыве он бросился к ногам своего отца.

– Наконец, я знаю твою любовь, которую ты от меня тайл, – сказал ему старик; возьми же Зюлейку и да благословит вас всемогущий Аллах. – И он положил свои руки на голову сына.

С этого часа брак между Али и Зюлейкой был решён.

II

В это самое время Зюлейка была в саду вместе со своею служанкой и отчасти поверенной, мавританкой Мирцей; она ожидала возвращения своего отца. Мирца сначала рассказывала ей сказки, но девушка слушала их рассеянно. С тех пор, как она слышала горячие признания Али, рассказы Мирцы потеряли для неё всякий интерес. Какие бы картины не развёртывали они в её воображении – краски их бледнели перед той волшебной панорамой, какую открывала перед нею любовь.

– Мирца, – воскликнула она: – знаешь ли ты, как сладко любить?! Я знаю это и скажу тебе; любить – значить всё потерять для того, чтобы всё найти. И я люблю! Я люблю Али. Его речи слаще мёда, но более всего он очаровал меня своим пением. Когда он говорил мне свои признания, мне казалось, что я пью огонь. Я потеряла чувство и волю, желаю только одного, чтобы Али был моим вечно. Я счастлива, невыразимо счастлива. Мне кажется, что весь мир существует только для меня одной; для меня цветут розы, поют соловьи, порхают бабочки. О Мирца, я так счастлива, что не могу тебе высказать! Идём же, будем радоваться вместе.

Быстрыми шагами пошла она из сада, лёгкая и грациозная, как газель. Она сбросила с себя покрывало, оставшись полуобнаженной; формы её тела так были дивно хороши, что даже мавританка, глядя на неё, скалила улыбкой свои белые зубы. Они пришли на террасу, украшенную воздушной мавританской резьбой и великолепными зелёными пальмами.

– Я хочу здесь танцевать, – сказала Зюлейка: – бей в тамбурин, Мирца!

Служанка села у решётки, взяла тамбурин и стала отбивать на нем такт. Юная арабка принялась танцевать. Малейшее её движение было полно грации, каждая её поза представляла картину. Мирца с восхищением смотрела на свою госпожу и думала, как очарован был бы Али, если бы увидел её теперь. Она поводила бёдрами, плавно, округленным движением поднимала над головою руки и тихо, точно в истоме, склонялась назад, изгибаясь, сверкая глазами, словно маня к себе... И вдруг вздрагивала, делала прыжок, крушилась, отчего лёгкая кисея, накинутая на её плечи и грудь, вздымалась парусом, и, грациозно покачиваясь из стороны в сторону, неслась по террасе на кончиках шитых золотом туфельек, точно плыла по воздуху.

Всё чаще и чаще бил тамбурин, все огненнее и живее становился танец. Глаза Зюлейки искрились, розовые губки, открывшись, застыли в улыбке, и грудь высоко поднималась порывистыми вздохами. Вспугнутые речные голуби кружились вокруг неё, дополняя эту воздушную пляску.

– Ах, и почему тебя не видит теперь, Али! – вырвалось у мавританки.

– Танцуй, я думаю о нём, и мне кажется, что он здесь со мною! – ответила Зюлейка.

Мирца увлеклась сама и всё чаще и чаще была в тамбурип, ускоряя такт танца и превращая его в безумную пляску Менады.

В это время на террасу быстро вбежала служанка и проговорила:

– Госпожа! Каид вернулся домой и просит тебя к себе. С ним Али, сын амина!

Зюлейка остановилась, и Мирца отложила в сторону свой инструмент.

– Я сейчас приду, – ответила Зюлейка, покрасневшая от быстрого движения и радости; – одевай меня, Мирца!

Служанка быстро подала ей покрывало, снова скрывшее под собою прелестные формы молодой девушки, и Зюлейка вошла в дом, где её ожидали отец и Али. Грудь её порывисто вздымалась от танца и глаза были опущены вниз. Она показалась Али прекраснее, чем прежде; огонь вспыхнул в его глазах, и он не мог выговорить ни слова.

Каид с улыбкой прервал это молчание.

– Глупые дети не знают, что им нужно делать, – сказал он. – Радуйся, Зюлейка: мы приехали от отца Али.

Она вздрогнула.

– Говори же, Али, – продолжал каид, приближая Али за руку к Зюлейке.

– Зюлейка! – проговорил, Али в радостном порыве; – отец приказал передать тебе, что считает тебя прекраснее и достойнее всех девушек, и сердце его исполнится радостью, если ты дочерью войдёшь к нему в дом.

В эту минуту их взгляды встретились, в страстном порыве их повлекло друг к другу, обоим казалось, что они на небе.

И Али не выдержал; он стремительно бросился к своей невесте, обнял её своими сильными руками, и их губы слились в знойном поцелуе.

– Довольно! – добродушно проговорил каид; – впереди ещё иного времени для поцелуев.

Они отошли друг от друга, и Зюлейка в девичьем смущении удалилась в свою комнату.

Остаток дня она провела в спокойном уединении, отдаваясь сладким мечтам о будущей жизни вместе с Али; она грезилась наедине и только перед сном позвала к себе Мирцу.

Они снова заговорили о любви.

– Ах, Мирца! – воскликнула она; – с каждым часом всё ближе и ближе то время, когда мы, наконец, будем вместе. Понимаешь ли ты, что я чувствую? Я не могу тебе этого высказать: это всё равно, что видеть музыку. Прекраснее его нет в целом свете! А как он поёт! Перед его голосом не устоит ни одно сердце. Своим голосом он может покорить храбрейших воинов, завоевать целые страны... Он волшебник, когда поёт!

– Ты увлекаешься, – проговорила мавританка, скаля свои белые зубы. – Влюблённые всегда увлекаются,

– Я не увлекаюсь, – ответила Зюлейка. – Подожди немного, ты испытаешь на себе его силу; он волшебник и перенесёт тебя в рай. Для меня одной он поёт и мне одной будет принадлежать... Ах, как я невыразимо счастлива! Счастье делает добрыми: мне хотелось бы осчастливить всех людей, чтобы они могли радоваться вместе со мною.

Долго проговорили между собою девушки; Зюлейка открывая своё сердце, Мирца радуясь на свою госпожу. Наконец, Зюлейка позволила себя раздеть и уложить в мягкую постель. Когда она уже лежала, потягиваясь в сладкой дремоте, мавританка сказала ей:

– Ты прекрасна, но неужели ты думаешь, что всегда останешься такою же? И для тебя наступит старость; твои волосы поседеют, твои щёки увянут, грудь высохнет, выпадут зубы...

– Фуй. Мирца! – воскликнула Зюлейка; – зачем говоришь ты мне всё это? Неужели ты хочешь отравить мне мою радость?

– Потому что я люблю тебя, госпожа, и потому что я хочу, чтобы ты вечно была молодой и прекрасной... Слушай, я знаю тайну: в нашей земле, в двух часах ходьбы отсюда, среди деревьев и скал есть источник; он называется Вад-эль-Кебир. Он имеет чудную силу; тот, кто в нем выкупается, на всю жизнь остаётся молодым и красивым. Это перед смертью открыла мне моя мать, а ей поведала знакомая с волшебствами женщина. Зюлейка, выкупайся в этом источнике – и ты на всю жизнь сохранишь свою красоту!

Юная невеста выслушала это с большим интересом.

– Благодарю тебя, – сказала она; – ты очень добра, Мирца. Но не чары ли это злых духов? Если я послушаюсь твоего совета, не накажет ли меня Аллах? Может быть, в источнике скрыта погибель?

– Нет, – ответила Мирца; – Это святой источник, на котором почиет благословение. Исполни, что я тебе сказала!

Вскоре после этого Зюлейка заснула, убаюканная грёзами.

III

Зюлейка решилась последовать совету своей преданной служанки Мирцы. Любовь возбуждается привлекательностью, и, чтобы не потерять своей красоты и сохранить любовь Али, она решилась выкупаться в чудесном источнике. Рано утром, ещё до восхода солнца, вышла она из отцовского дома со своей верной мавританкой и направилась по незнакомой ей дороге.

Дорога шла среди гор; орлы срывались над ними со скал, бросая свою добычу, и величественно парили над их головами; иногда вой шакалов заставлял её вздрагивать, но ничто не могло поколебать её решения: для Али она готова была пролить свою кровь, – почему же ей не сохранить для него свою красоту? От этого намерения не отказалась бы ни одна женщина. И Зюлейка шла вперёд, несмотря на мелкие и острые камни, которые кололи её нежные ноги сквозь лёгкие сандалии.

Солнце между тем выплыло на небо и облило все золотистым пурпуром. Безоблачное голубое небо обещало чудный день.

– Мирца, – сказала Зюлейка; – я вижу по солнцу, что мы идем уже более одного часа. Когда же мы придём к источнику?

– Ещё через час, госпожа, – ответила служанка; – мы услышим его журчание; иди же и не бойся; помни, что ты будешь прекраснейшей женщиной в целом свете!

– Но я устала, Мирца! подошвы мои горят; дорога так трудна и камениста... Мне чудится, что на меня кто-то смотрит.

– Разве ты боишься?

– Это не трусость, но я боюсь, что я совершаю запрещённый поступок. Если бы отец знал, что я ушла так далеко от дома!

– Он этого не знает, – перебила М'ирца; – он ещё ночью уехал по своим делам, и мы вернёмся до его прибытия. Никто не видел, как мы ушли, и о нас будут думать, что мы в своей женской половине. Идём же, и скоро ты увидишь чудо!

Мавританка взяла за руку свою госпожу и с весёлым смехом повлекла её вперёд.

Зюлейка, думая о своём возлюбленном, охотно пошла за нею и ничего более не спрашивала.

Узкая тропинка вилась среди диких скал; некоторые из этих скал были похожи на замки, построенные титанами, другие на чешуйчатых драконов. Наконец, обе девушки взобрались на вершину, с которой открывался чудный вид далеко вокруг. Из груди Мирцы вырвался крик восторга, и она сделала движение рукою, приглашая Зюлейку полюбоваться дивной картиной. Все было залито солнечным светом. Вдали полукругом тянулись голубые цепи гор, упираясь в сверкающее небо. Глубоко внизу, в зелёной равнине были разбросаны жилища кабиллов и арабов. К этой долине спускались с гор прихотливые ущелья, заросшие кудрявой зеленью деревьев. Зюлейка стояла как очарованная.

– Взгляни туда, – сказала ей мавританка; – видишь ли ты вон там, в скалистой ущелье зелёный оазис? Это Вад-эль-Кебир.

– Непонятное чувство охватило меня, – ответила Зюлейка. – Идём же...

Девушки спустились в долину, на зелёной траве которой смарагдами сверкала роса, и направились к ущелью, похожему на пещеру и заросшему деревьями.

– Слушай! – блеснув глазами, воскликнула Мирца. – Ты ничего не слышишь?

– Я слышу журчанье падающей воды, – ответила Зюлейка.

– Это источник; ты сейчас его увидишь.

Скоро они вошли в лес, наполненный бальзамическим запахом цветов; деревья были так перевиты ползущими растениями, что непривычному трудно было найти в нем дорогу. Наконец, они добрались к гроту, из которого жемчужной пылью бил фонтан прозрачной как хрусталь воды.

– Мы у цели, – сказала Мирца. – Разве это не чудо и я не была права?

Зюлейка испустила крик восторга, который подхватило и унесло далеко шаловливое эхо.

Вековые деревья обступали этот жемчужный водопад, и зелёный шатёр их листьев закрывал от знойного солнца холодную влагу. Светлым ручьём бежала она среди причудливых скал, образуя водопады и водоёмы, и вливалась в небольшое озерцо с золотистым песчаным дном... Солнечные лучи изредка врывались в этот тенистый уголок сквозь шелестящую листву деревьев, и тогда в жемчужных брызгах играла ослепительная радуга, придавая источнику сказочную красоту.

Зюлейка стояла, охваченная восторгом, а Мирца торопила её раздеться и поскорее сойти в воду.

Наконец, Зюлейка опустилась на камень, покрытый мягким зелёным мохом, и Мирца сняла с её ног сандалии и отстегнула богатый пояс, чтобы снять её одежду.

– Мне послышался какой-то шорох на скале между деревьями, – сказала вдруг Зюлейка. – Ты ничего не слышишь?

– Тебе показалось, потому что ты взволнована, – ответила Мирца; – и это неудивительно, потому что сейчас в одно мгновение изменится вся твоя жизнь. Прыжок в воду – и твоя юность и красота будут вечными. Моё ухо слышит только музыку журчащих струй.

Говоря это, она продолжала раздевать свою госпожу.

Но слух не обманул Зюлейку; между деревьями на скале действительно притаился человек и жадным взором смотрел на молодую девушку. Это был эмир Рустан, охотившийся в горах и пришедший к источнику Вад-эль-Кабир. Могучий, крепко сложенный человек, он любил войну и охоту, точно так же как и удовольствия и красивых женщин. Он был нахален и зол

и выше всех обычаев и законов ставил свои желания. Он был бы даже красив, если бы его правильное лицо не портили злые глаза и нервная судорога губ.

Когда он увидел перед собою Зюлейку, он подумал сначала, что это русалка. Глаза его загорелись, он был поражен её красотой и жадно смотрел на девушку. Что ему было за дело до обычая страны, которым девушке дозволялось обнажать себя только перед любимым человеком? Он, удерживаемый на месте магическою силою, забыл, что наносит ей оскорбление, которое, может смыть только его смерть. Им овладел демон, и он смотрел и смотрел, очарованный, красотой Зюлейки. А она была прекрасна как день; на её белую, как слоновая кость, шею тёмными локонами спускались волосы; она была стройна как платан, сверкающий своим серебристым стволом; её губы были как коралл, а тёмные, глубокие глаза мерцали как звезды из-под ресниц, чёрных как вороново крыло.

Лёгким скачком прыгнула она в воду, и эмир видел, как резвилась она в серебристой влаге; все её движения были полны безыскусной грации, а когда она поднималась из воды и поднимала к волосам свои руки, с них в источник сыпались бриллиантовые капли. Она казалась ему сиреной, и он клялся сам себе, что завладеет ею какою бы то ни было ценою, хотя бы ценою собственной жизни. Он чувствовал, что навеки утратит покой, если не достигнет этого. Одно желание, одна мысль наполняла его: эта женщина должна принадлежать ему.

Зюлейка продолжала резвиться в воде; она то отплывала на середину, то приближалась к берегу и смеялась с Мирцею.

– Мирца, разве я не красива? – кричала она.

Эмир не упускал из глаз ни одного её движения. Он стоял, точно прикованный к земле. Страсть охватывала его. Он боролся с собою, чтобы не броситься к девушке и не унести её на своих могучих руках.

Однако Мирца просила свою госпожу окончить купанье. Зюлейка вышла на берег и стала украшать свои волосы нитками жемчуга. В это время на скале раздался шум: эмир оставил своего коня в долине под присмотром слуги, который заснул; конь вырвался и прибежал по следам своего господина. Эмир с досадою обернулся к нему и охватил его за узду.

Быстро вскинула Зюлейка кверху голову и увидела эмира. Крик испуга вырвался из её груди, краска залила её щеки, и она едва не лишилась чувств. Мирца окаменела, Зюлейка быстро выпрыгнула на берег и, спрятавшись за деревьями, поспешно стала одеваться. Мирца тоже бросилась к ней на помощь.

– Горе мне! – вскричала Зюлейка. – Если об этом узнает Али, он убьёт этого человека. Не знаешь ли ты, кто это, Мирца?

– Эмир Рустан! – ответила служанка.

– Могущественный эмир! О Аллах! Будет горе! Зачем я послушалась твоего совета, Мирца! Я не должна была купаться в этом источнике, он принесёт мне несчастье. Судьба не позволяешь идти против себя. Мы должны подчиняться тому, что она нам даёт. Ты возбудила во мне пагубное желание выделиться из всех людей. Из этой воды поднялся демон, чтобы разлучить меня с Али, преследовать нас своим мщением – и это моя вина!

– Не говори так! – вскричала оправившаяся Мирца; – все будет хорошо. Идём же, идем!

Обе девушки поспешно побежали домой. Зюлейка не могла успокоиться, не могла забыть, что посторонний человек видел её без покрывала. В страхе ей казалось, что её преследуют фурии смерти. Ей приходила на память страшная история, рассказанная ей Мирцею. Это была история про царя Кандавла и его жену Родопу. Лидийский царь Кандавл очень любил Родопу, которая была чудно красива, и хвастался красотой своей жены перед своим другом, Гигесом. Желая, чтобы он самолично убедился в этом, Кандавл устроил так, что тот тайно увидел раздетую Родопу. Но последняя узнала об этом оскорблении и заставила Гигеса убить Кандавла и самому сесть на трон, став его женою.

Зюлейка с горечью в сердце сознавала, что она одна виновата в том, что её увидел без покрывала чужой человек, и была убеждена, что с нею и с Али непременно случится что-нибудь недоброе.

Рустан, охваченный вспыхнувшей в нем страстью, издали провожал девушек, чтобы узнать откуда и кто прельстившая его сирена. Когда Зюлейка вошла в дом каида Мираба, он понял, что она его дочь, и поклялся овладеть ею каким бы то ни было средством, злым или добрым.

Зюлейка провела день в полном одиночестве, употребив все свои силы, чтобы успокоиться. Она боялась сказать о нанесённом ей оскорблении своему жениху, зная, что тогда тот убьёт эмира и от этого произойдёт большое несчастье. Наконец, она решила, что откроет свою тайну Али после свадьбы.

IV

Охваченный желанием скорее назвать Зюлейку своею, эмир Рустан, не откладывая, начал действовать. Прежде всего он отправился к каиду, окружённый многочисленными слугами. Он был принят как эмир, со всем подобающим ему почётом.

Это было как раз в то время, когда Габсбургский король Карл Пятый царствовал над огромной империей¹, в которой никогда не заходило солнце. Эмир пользовался расположением императора, которому оказал многочисленные военные услуги, особенно при изгнании из Алжира и Туниса морских разбойников. Пользуясь этим расположением, Рустан стал очень могущественным человеком и привык, что все беспрекословно подчинялись его воле.

Одетый в великолепное платье, надменно и гордо стоял он перед каидом Мирабом, прося у него руки его дочери.

Красота Зюлейки стала известна ему по слухам, так объяснил эмир своё появление, но когда он, случайно проезжая мимо сада, сам увидел её, то убедился, что красота Зюлейки превзошла его ожидания. Он любит её и желает быть её супругом. Он благоразумно умолчал однако, что видел Зюлейку купавшейся, чтобы не возбудить гнев старого каида.

Просьба эмира скорее походила на приказание, но каид Мираб, зная дикий нрав бывшего, ответил вежливо и с достоинством, что был бы очень рад отдать свою дочь за такого могущественного и любимого императором мужа, но Зюлейка уже счастливая невеста, и скоро будет её свадьба.

Рустан вскипел. Ему отказывают в руке прекраснейшей женщины, – ему, которому беспрекословно повинуются целый народ! Объяснения отца его не удовлетворили. Он требовал, чтобы ему отдали Зюлейку. Он не желал слушать более спокойных и вежливых слов каида, охваченный своею страстью.

Гневными словами обрушился он на Мираба и, выходя гордыми шагами из дома, крикнул старому каиду:

– Я ещё вернусь! я не успокоюсь до тех пор, пока Зюлейка не будет у меня в руках. Я употреблю для этого всю мою силу, которая велика. Мне трудно противиться!

Гневно вскочил он на своё украшенное пурпуром и золотом седло и помчался таким галопом, что его слуги далеко отстали на своих лошадях от своего господина.

Вернувшись к себе, он гневно приказал своим слугам снять с себя верхнее платье, награждая их пинками ногой за всякую оплошность, не зная на ком выместить свой гнев. Он

¹ Карл V Габсбург (1500–1558) – король Испании (Кастилии и Арагона) под именем Карлос I с 1516 г., король Германии (римский король) с 1519 по 1556 гг., император Священной Римской империи с 1519 г. Крупнейший государственный деятель Европы первой половины XVI века, внёсший наибольший вклад в историю среди правителей того времени. Карл V – последний император, официально коронованный римским папой, он же – последний император, отпраздновавший в Риме триумф.

отдавал приказание за приказанием; велел принести вина и позвать к нему его рабынь. Они явились с дрожью в сердце и с улыбкою на устах, потому что эмир чаще жестоко их наказывал, чем с ними веселился.

Одна из этих девушек подносила к его губам чашу с вином, прозрачным как рубин, другая сидела у его ног, играя на тамбурине, третья склонялась к нему, обнимая его мягкими руками и напевала весёлую песню:

Без рубиновых губок, без бокала вина,
Без веселья и смеха наша жизнь не полна...

Но Рустан оттолкнул её резким движением.

Позднее пришли друзья, среди которых был один из полководцев Карла Пятого, и ночь превратилась в оргию.

Неустрасимый и деятельный на войне и на охоте, дома Рустан был ленив, жесток и невосдержан. Теперь он всё своё время посвятил мечтам о Зюлейке и планам, как ею овладеть. На львиной охоте, мчась по следам этих благородных животных, он часто рисковал своею жизнью; мог ли он остановиться, когда дело шло о женщине?

Угрожающие намерения эмира заставили двух вождей, Акбара и Мираба, поспешить со свадьбою своих детей. Наконец наступил день, в который по магометанскому обряду была совершена эта церемония. Богато одетая и провожаемая своими родственниками, друзьями и знакомыми, вступила Зюлейка в дом своего мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.